

● БАЛЛАДЫ

Вячеслав ГУТНИКОВ

О Родине

Небо
затянута тучами,
хоть от бессилия вой...
Были мы прежде могучими,
стали сухою травой.

Столько
дорог было пройдено
с общенародной судьбой.
С мордой уродины – Родина,
что сотворили с тобой?

Нынче
как баба позорная,
да и народ сам не свой...
Стала ты, Родина, черною
и постаревшей вдовой.

Где твои
витязи смелые,
лики святые твои?
Только стада ошалелые
и на ветвях воробьи.

Воры
орудуют лютые,
всюду орет воронье.
В очередях за валютою
горе маячит твое!

О братской боли

Здесь
фронт и тыл
в Цхинвале, Гори...
Здесь танк застыл,
сгорев от горя.

Враги
взорвали изнутри
Советский наш Союз...
Ты телевизор свой смотри
и боль мотай на ус.

Сломали
подло обидный дом,
чтоб снова не вернуть...
Кого ударит «Град» потом?
Кому в последний путь?

Бомбят
и давят наповал,
как дядя Сэм велел...
Он кровопийц короновал,
а сам сидел у дел.

Здесь
фронт и тыл
в Цхинвале, Гори...
Весь мир застыл
и понял горе!

Колокола для боя

На кораблях,
где знают честь
и погибают стоя,
колокола такие есть –
колокола для боя.

Когда
увидимся с врагом
на голубом просторе,
тогда гремит орудий гром,
с колоколами спора.

Да будет
громким этот бой,
а крейсер мой бесстрашен...
Домой вернемся мы с тобой
под злые залпы башен.

Матросов
ждет соленый путь,
где волны выше крыши.
Не обмануть, не утонуть
без указания свыше.

И где бы
чья бы ни взяла,
то грохоча, то воя,
звонят мои колокола,
колокола для боя!

Родителям моим Лидии Григорьевне
и Владимиру Михайловичу посвящается

ПАРОХОДИК ЕЕ ОЖИДАНИЯ

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАБЕВОЙ

ЛИДИЯ СТОЯЛА на берегу реки и вглядывалась в даль так пристально, что начинало щипать глаза, даже сердце немного стонало от напряжения.

Она ждала давно, целых четыре военных года. Если бы можно было добежать до любимого поля, она бы бежала, сбивая в кровь ноги, в какой-то момент перестав чувствовать эту боль. Она бежала бы вдоль пшеницы, вдоль озимых, потом пробиралась сквозь сугробы, потом сквозь весеннюю грязь и распутицу, потом по первым всходам. Ее бег был бы уже частью ее жизни, потому что как только он кончился, она встретит свое счастье... От долгого бега платье превратилось в лохмотья, огрубели руки и ноги. А как мерзла она, особенно по ночам... Понимала, но ей было все равно, потому что она знала, нет, была уверена: как только она добегит, как только увидит его глаза, как только он обнимет ее, она сможет расслабиться.

Что будет потом? Пока она не могла даже позволить себе думать о том, какое у них будет счастье. Оно будет и все. Если счастье есть, что еще нужно женщине и мужчине?

Главным было не останавливаться. И только когда совсем уже не было никаких сил, Лида падала, казалось на смерть... Приходила в себя после обморока, снова поднималась, пытаясь продолжить

движение. Это был уже вовсе не бег, она еле шла, заплетаясь в собственной походке. Это была какая-то странная поступь. При первом взгляде казалось, что молодая, исхудавшая женщина сошла с ума. Куда спешит она, шатаясь от голода, от малейшего ветра, куда торопится она, когда на ее земле идет война, куда и к кому ей торопиться – никто не задавал этих вопросов. Сердобольные бабушки, незнакомые женщины в черных платках, увидев ее, поначалу ужасались, но всегда старались поддержать: кто словом, кто кусочком хлеба...

Особенно красивым казалось ей бежать по полю высокой пшеницы, когда тяжелые колосья хлеба качаются в такт ее шагам, как будто говоря: «Сбереги тебя бог, сбереги, сбереги!» Ей нужно было только одно: добежать до него и упасть в его объятия...

На самом деле она сейчас никуда не бежала, она стояла на краю деревянного мостика, забыв про таз с бельем, которое до этого поло-скала часами, сначала шоркая его, тщательно отстирывая, потом, как делала когда-то мама, размашистыми движениями, стараясь держать красиво спину, наклонялась, поло-скала, поднималась, снова наклонялась, полоскала, поднималась, выпрямляла спину. А вдруг кто смотрит с другого берега реки. Хотя кто ее мог увидеть? Их река была широкая, могучая и своенравная. А спину держать было трудно, спина

изнывала от усталости. Теперь, оставив домашние заботы, она вглядывалась в даль, в крутые речные повороты...

Никакого поля поблизости не было. Жители их деревни кормились у реки – в глухой сибирской деревушке все жили от реки. И связь с большим миром была одна – старый, выдавший виды пароходик с единственным и неповторимым его капитаном по имени дядя Вася. Он привозил сюда редких пассажиров и почту из каких-то одному ему известных больших городов, где люди жили совсем другой жизнью.

Она родилась здесь, у реки, в деревушке с благословенным именем Святославка. Ее жители были родней в нескольких поколениях, сибиряки, люди крепкие и тоже своенравные, как река.

Кого ждала она с пароходика? Любимого мужчину. Он знает не знал, что она его так ждет. Девчонкой совсем, ей было лет пятнадцать, она увидела его в соседском дворе. Увидела как в первый раз. Кто он был для нее до того, памятного сердцу момента? Один из сыновей тетки Зинаиды да дядьки Клима. Ее мама всегда говорила: «Дочь, выби-рай по сердцу, не по кудрям!»

А дочь влюбилась в кудри соседского Володьки. Парню было уже семнадцать годков, и уже видна была в нем притягательная, необъяснимая для девочки муж-ская стать. И глянул на нее другим взглядом, взмахнул кудрями, как

будто спорил сам с собой, и отвернулся, будто не заметил соседки. Вот тогда, тем жарким летом, и подогнулись у Лидии отчего-то коленки, и сердце бросилось вскачь. Она влюбилась за два дня до войны. Два дня, как в тумане, два дня вос-торга и качелей – то вверх, то вниз, то опять вверх, то вниз...

И война. Прогудел пароходик, проплакали соседи и родня, всего-то полдеревни, а она, как дикарка, пряталась в камышах, высматри-вая, наблюдая, запоминая все до секундочки...

Вот он неловко обнял мать, задержал его руку в рукопожа-тии отец, крутанул сигарку дед, всплакнула бабушка, одна, вторая, потом тетка, потом его дядька за-крутил усы, залихватски так, буд-то кого-то собрался немедленно обаять... Она пряталась в кустах и отчего-то дрожала. Вот он про-щается с седоволосыми дедами. Смушаясь, они, казалось, прятали слезинку в усталых и мудрых глазах, они-то знали: с войны не всегда возвращаются.

Потом ей надоело прятаться. Не-смело вышла к Володьке, протянула узенькую ладошку, зарделась. Ее смущение он воспринял с понима-нием и сам покраснел.

Он вернется! Она была в этом уверена. Он придет, женится на ней, вся деревня будет гулять на их свадьбе. Она будет рожать ему ребятишек, сыновей и дочерей, больше ей хотелось рожать от него сыновей. Почему – не удивительно: ведь они будут точной копией отца, чуточку, на особинку, каждый будет сам собой.

Ну и ладно, что будет казаться, что она тут как будто бы ни при чем. Когда они вырастут, будут идти с отцом по улице, она будет гордиться сразу и всеми: собой, мужем, деть-ми. А что еще потом будет нужно им, когда они станут престарелыми родителями? Радоваться внукам, ждать правнуков. Вот до чего доду-малась... Она улыбнулась невольно – уже до правнуков додумалась. А пока стоит на самом конце дере-вянного мостика, вся вытянувшись, платье колышет ветер, нахально заглядывая под юбку.

За четыре года ее тело налилось женской силой. Упругая грудь, крепкая талия, красивые бедра, старики только тихонько кричали, когда она несла по улице коромы-сло с ведрами, полными ключевой колодезной водой. Глаза у нее были потрясающего цвета и настроения: глубокие, смешливые и серьезные одновременно. Платья она шила себе сама, среди любимых были васильковый, розовый и сиреневый цвета. Всегда до середины колена, они облегали ее фигуру так, как об-нимают мужчину горячо любимую женщину...

Она ждала терпеливо... Паро-ходик ее ожидания через четыре долгих года ее надежд и любви неожиданно вывернул из-за поворо-та... Лидия чуть не свалилась воду – Владимир вернулся. Эта мысль ошачивала ее, и она побежала вдоль берега, навстречу теплоходи-ку ее ожидания, навстречу любви, навстречу судьбе...

БЕРА ЗАХАРОВА.